Ведийская частица *ghă* и славянское *же*: значение и происхождение

Л.И. Куликов ***(Гентский университет)***

1. Замечания о функции ведийского *ghă*

В знаменитом ведийском гимне «Яма и Ями», представляющем собой драматический диалог первых на земле людей – близнецов – брата (Ямы) и сестры (Ями) (Ригведа 10.10), Ями пытается склонить Яму к любовной связи, а Яма отказывается, мотивируя это недопустимостью инцеста. Исчерпав свои аргументы (любовь, необходимость продолжения человеческого рода и т. д.), Ями выражает готовность взять на себя инцестуальный грех Ямы (стих 9): *yamī́r yamásya bibhṛyād ájāmi* ‘Ями могла бы носить (на себе) (греховное деяние) Ямы, не подобающее родственникам’. Яма отвечает на это следующей фразой (стих 10):

(1)	РВ 10.10.10:	*á́*	***ghā***	*tá́ gachān*	*úttarā*	*yugā́ni*
		к	*GHA*	те прийти:PRES:3PL.SUBJ.ACT	последующий:NOM.PL.N	поколение:NOM.PL
	yátra	*jāmáyaḥ*	*kṛṇávann*	*á-jāmi*		
	где	родственное:NOM.PL	делать:PRES:3PL.SUBJ.ACT	не-родственное:ACC.SG		

В переводе Т.Я. Елизаренковой ответ Ямы гласит: ‘Придут, **конечно**, те последующие поколения, / Когда родные будут совершать (поступок), не подобающий родне’.

Ключевую роль в начальной строке этого стиха играет частица *ghā* (переведенная Т.Я. Елизаренковой как ‘конечно’), которая, как нам кажется, неверно истолкована всеми переводчиками Ригведы. Традиционно *ghă* (встречается также вариант с кратким *a*) описывается как эмфатическая частица с очень размытой слабовыраженной семантикой[1], которая переводится как ‘может быть, конечно, наверное, воистину’, а нередко и вовсе оставляется без перевода[2]. В статье А. Хеджиб-Агера, специально посвященной этой частице, предлагается более тонкое описание её функции: “*Gha* indicates the abruptness of the change of subject and the discontinuity of theme”; “*Gha* is indeed a particle of attention and concentration. It demands at its utterance attention to the central theme of the verse which is mostly indicated by a

---

[1] Ср. напр., описание в Петебургском словаре О. Бётлингка и Р. Рота, Т. 2, с. 869: „enklit. Partikel der Hervorhebung: wenigstens, gerade, ja, gewiss“; в словаре к Ригведе Г. Грассманна (стлб. 419): „**gha** <…> hebt ähnlich wie íd und das mit ihm wesentlich gleiche ha und das griechische γε das zunächst vorhergehende betonte Wort <…> hervor, und zwar in dem Sinne, dass die Aussage von dem durch jenes Wort dargestellten Begriffe in besonderm Masse oder mit Ausschluss anderer Begriffe gelte.“

[2] Приведем для примера несколько переводов первых двух строк стиха РВ 10.10.10 на европейские языки: ‚Il viendra **sans doute** des générations plus tard où les consanguins feront l’acte interdit aux consanguins’ (L. Renou); ‘**Wohl** mögen kommen spätere Geschlechter, wo Blutsverwandte Blutschuld auf sich laden’ (H. Grassmann, перевод РВ в 2х томах); ‘**Verily** there shall come those later ages (*yugá*) in which next of kin (*jāmí*) shall do what is unkinly (*ájāmi*)’ (W.D. Whitney, перевод параллельного места из Атхарваведы – AB 18.58.1); ‘Later ages will come, **indeed**, when blood relatives will act as if they were not related’ (W. Doniger O’Flaherty). Два полных перевода Ригведы, относящиеся к числу самых авторитетных, оставляют эту частицу без перевода: ‚Es werden später solche Geschlechter kommen, wo Geschwister Ungeschwisterliches treiben‘ (K.F. Geldner); ‘Later generations will come, in which kin will perform the unkindred (act)’ (S. Jamison & J. Brereton).

pronoun or a preverb that precedes *gha*" (Hejib-Agera 1985-86: 74). Иными словами, функция *ghă* определяется как маркирование смены топика (главной темы высказывания). Такое употребление действительно засвидетельствовано в ряде контекстов (особенно в комбинации с сочинительным союзом *utá*),[3] но это описание явно не исчерпывает круг значений *ghă*, и в частности никоим образом не проясняет его роль в процитированном выше фрагменте РВ 10.10.10.[4]

В этой фразе вызывают недоумение две вещи. Во-первых, безнадежный пессимизм Ямы: почему он так уверен, что в будущем инцест станет моральной нормой? Во-вторых, если в будущем инцест станет обычным делом, почему не совершить его и не вступить в кровосмесительную связь с сестрой прямо сейчас? Нелогичность его рассуждения особенно очевидна по контрасту с тщательно продуманной аргументацией обоих участников диалога, характерной для гимна в целом.

Попытаемся представить, какой ответ Ямы был бы уместен и убедителен с точки зрения элементарной (бытовой) логики; иными словами, что можно было бы добавить к его ответу, чтобы сделать его менее нелогичным? Как нам кажется, ответ на этот вопрос единственный и очень простой: в этой фразе не хватает одного слова – союза со значением результата, или следствия (consecutive connector), т.е., попросту говоря, слова *тогда* (*в результате (этого)*, *в этом случае* и т. д.). Иными словами, контраргумент Ямы сводится к следующему: если я вступлю в кровосмесительную связь с сестрой, ***тогда*** последующие поколения будут делать то же самое.

Проверим, уместна ли интерпретация *ghă* как слова со значением результата/следствия (консекутивного коннектора) в других контекстах. Выясняется, что в значительной части употреблений – примерно в половине из 75 засвидетельствованных в Ригведе употреблений этой частицы – такой перевод (*тогда*, *в результате*) не только возможен, но и дает вполне приемлемое и, нередко, даже лучшее осмысление, нежели традиционная интерпретация. Приведем несколько примеров:

(2) РВ 1.27.1-2: [1] *vandádhyā agníṃ námobhiḥ* / <…> [2] *sá* ***ghā*** *naḥ sūnúḥ śávasā pr̥thúpragāmā suśévaḥ / mīḍhvā́m̆ asmā́kam babhūyāt* '[1] (Надо) почитать тебя, Агни, поклонениями <…> — ***Тогда*** (т.е. если почитать таким образом Агни) да будет этот наш (Агни), сын (силы), с силой (своей), широко продвигающийся, очень благосклонный, щедрый, с нами!'

(3) РВ 1.30.7-8: [7] <…> *havāmahe / sákhāya índram ūtáye* // [8] *ā́* ***ghā*** *gamad yádi śrávat sahasríṇībhir ūtíbhiḥ* '<…> Индру мы призываем как друзья – на помощь. — ***Тогда*** (т.е. если призывать его) он придет, если услышит, с поддержками тысячи родов …'[5]

---

[3] Напр., в следующем фрагменте из гимна Индре РВ 4.30.7-8: [7] *kím ā́d utā́si vr̥trahan mághavan manyumáttamaḥ / átrā́ha dā́num ā́tiraḥ* // [8] *etád* ***ghé****d* <u>*utá*</u> *vīryàm índra cakártha paúm̆syam / stríyaṃ yád durhaṇāyúvaṃ vádhīr duhitáraṃ diváḥ* // '[7] А что и сейчас ты, о убийца Вритры, / О щедрый, (по-прежнему) самый неистовый? / Вот в ту пору ты поборол Дану. // [8] И еще это героическое деяние, / Подвиг мужества ты совершил, о Индра, / Что злонамеренную жену, / Дочь неба (= богиню Ушас – *Л.К.*) ты прибил.' (перевод Т.Я. Елизаренковой).

[4] Замечу, что перевод самой Хеджиб-Агера (Hejib-Agera 1985-86: 74) мне просто непонятен: 'Let such couples come to pass later in the future when the brother and sister would do what is [considered] unbecoming them'.

[5] Ср. некоторые из существующих переводов: '**Surely** he will come' (Jamison/Brereton); 'Er komme

(4) РВ 1.53.6-7: [6] *té tvā mádā amadan tā́ni vṛ́ṣṇyā té sómāso* [7] *yudhā́ yúdham úpa* ***ghé****d eṣi dhṛṣṇuyā́* ‘Эти опьяняющие напитки опьянили тебя (= Индру), твои бычьи (силы), эти соки <…> — Именно **поэтому / в результате этого** ты храбро вступаешь в битву за битвой …’

(5) РВ 8.2.25-26: [25] *pányam-panyam ít sotāra ā́ dhāvata mádyāya / sómaṃ vīrā́ya śū́rāya* [26] *pā́tā vṛtrahā́ sutám ā́* ***ghā*** *gaman nā́ré asmát / ní yamate śatámūtiḥ* ‘Выжимальщики, промывайте самого восхитительного сому для опьяняющегося мужественного героя! — **Тогда / В результате** (совершения этого ритуала) убийца Вритры, пьющий выжатый (сок сомы), придет (и будет) недалеко от нас, предоставит сотню поддержек!’

После Ригведы частица *ghă* практически выходит из употребления, но несколько раз она еще встречается в Атхарваведе (АВ). Значение консекутивного коннектора весьма уместно, например, для следующего фрагмента:

(6) АВ-Шаун. 6.1.2-3 = АВ-Пайпп.19.1.2-3: [2] *tám u ṣṭuhi yó antáḥ síndhau* <...> [3] *sá* ***ghā*** *no deváḥ savitā́ sāviṣad amṛ́tāni bhū́ri /* ‘Славь же того, кто находится в реке <...> — **Тогда / В результате** (этого восхваления) этот бог Савитар пошлет нам многие бессмертия.’[6]

Характерной особенностью конструкций с частицей (коннектором) *ghă* является использование неиндикативных наклонений. Собственно в конструкции с *ghă* (т.е. в аподозисе), где описывается результат, следствие, часто находим субъюнктив, который в ранневедийском, и, в первую очередь, в языке Ригведы уместнее всего переводить как будущее время, ср. (1, 3, 5, 6), в то время как в предшествующем тексте (в протазисе), где описывается условие или причина, нередко находим императив, ср. (5, 6). Очевидно, использование *ghă* было чрезвычайно характерно для разговорного стиля или, по крайней мере, для ситуации, апеллирующей к речевым актам, ср. в особенности употребления типа «Восхваляйте Индру! — ***Тогда*** (*ghă*) он нам поможет». Интересно, что в некоторых случаях *ghă* могло использоваться в качестве оператора (коннектора), связывающего не описания событий, а собственно речевые акты – такой подтип употребления можно было бы назвать квази-перформативным. По-видимому, именно так следует понимать *ghă* в стихе 3 гимна «Яма и Ями»:

(7) РВ 10.10.2-3: [2] *ná te sákhā sakhyáṃ vaṣṭy etát sálakṣmā yád víṣurūpā bhávāti / mahás putrā́so ásurasya vīrā́ divó dhartā́ra urviyā́ pári khyan //* [3] *uśánti* ***ghā*** *té amṛ́tāsa etád ékasya cit tyajásam mártyasya* ‘[Яма:] Твой друг не хочет такой дружбы (т.е. сексуальной связи), когда (женщина) с одинаковыми признаками (т.е. кровная родственница) становится (той, которой должна быть женщина) другого рода. Сыновья великого Асуры (вероятно, бога Варуны), герои, поддерживатели неба (вероятно, звезды – шпионы Варуны), осматривают (всё) широко вокруг. – – [Ями:] ***Тогда*** [т.е.: *если ты рассуждаешь так, я отвечу тебе на это следующее*:] те бессмертные (= боги) желают этого: потомства одного единственного смертного.’[7]

2. Славянские параллели ведийского *ghă*: частица *же*

В поисках подтверждения предложенной интерпретации ведийской частицы *ghă* (которая,

---

doch…’ (Geldner); ‘Пусть **же** придет он …’ (Елизаренкова); ‘Hier wird er **ja** kommen’ (M. Witzel et al.).

[6] Или: «откроет для нас много (путей) к бессмертию» (Елизаренкова) (?).

[7] Ср. перевод Гельднера: ‘Die Unsterblichen wollen **gerade** das: einen Leibeserben …’; в переводе Елизаренковой: ‘Эти бессмертные желают **вот** чего …’

вместе с другой, этимологически, вероятно, связанной, но синхронно уже разошедшейся с *ghă* эмфатической частицей *ha*, очевидно, должна восходить к пра-и.-е. *$g^h e/o$) обратимся к материалу других индоевропейских языков за пределами индоарийской группы. Надежные параллели обнаруживаются только в балто-славянских языках.[8] Самая важная для нас параллель – славянская частица *же* (ср. также частицу *-го* – вариант, восходящий к другой ступени огласовки), хорошо засвидетельствованная начиная с древнейших славянских памятников, в частности, в старославянском.

Частица *же*, как известно, чрезвычайно многозначна (ср., например, ее подробное описание в старославянском словаре под ред. Р.М. Цейтлин и др., с. 212-215). Среди ее функций мы находим и функцию маркирования смены топика (по-видимому, одна из важнейших для этой частицы, хорошо сохранившаяся и в современном русском языке и, скорее всего, исторически связанная с аналогичной функцией частицы *ghă*, упомянутой в начале этой заметки[9]), как, например, в Мт 19.21-22 (Мар. ев.): рече емоу и҃с · аште хощеши съвръшенъ быти · іди продаждъ имѣние <…> Слышавъ **же** юноша слово отиде скръбѧ.

Примечательно, что мы находим также – хотя и несколько реже – использование *же* при выражении причинно-следственных отношений. В качестве каузального коннектора (причинной частицы) *же* встречается, напр., в Мк 16.8 (Зогр. ев.): і ишьдъшѧ бѣжашѧ отъ гроба · Імѣаше **же** ѩ трепетъ і оужасъ.

Функцию консекутивного коннектора (значение результата/следствия, которое, впрочем, не всегда легко отграничивается от значения временно́й последовательности) иллюстрируют следующие примеры: И 9.11 (Зогр. ев.): ˙і рече ми · ˙іди въ кѫпѣль силаамльѫ · ˙і оумы сѧ · шьдъ **же** ˙і оумывъ сѧ прозьрѣхъ ; Мт 24.48, 50 (Ас. ев.): Аште ли речет зълъи работ · въ срдцѝ своѐмъ · моудітъ гн҃ъ мои приті · <…> Придетъ **же** гн҃ъ раба того · въ ден҃ въ ньже не чѣетъ .

3. Типологические параллели

Наряду с рассмотрением этимологически связанного (славянского) материала остановимся на типологических параллелях, обращая особое внимание на служебные слова (союзы, союзные слова, коннекторы – та область лексикона, которая в современных работах часто описывается под общим названием discourse markers), обнаруживающие сходный тип многозначности. Выясняется, что схожая полисемия, т.е. выражение одной формой (или несколькими родственными формами) нескольких или даже всех обсуждавшихся выше значений (временно́й последовательности, маркирование смены топика, причины, результата/следствия) не является редкостью в языках мира.

Так, испанское *pues*, восходящее к лат. *post* ‘затем, после, позже, впоследствии’, имеет как каузальную (*Te lo diré,* ***pues*** *de todos los modos has de saberlo* ‘Я скажу тебе это, **так как** так или иначе ты узнаешь об этом’), так и консекутивную (*No tengo ganas de comer. —* ***Pues*** *no comas* ‘Мне не хочется есть. — **Тогда** не ешь’) функции.

---

[8] Нередко сопоставляемая с *ghă* др.-греч. частица γε (например, в этимологическом словаре М. Майрхофера, EWAia, т. I, с. 511: “davon nicht zu trennen gr. γε”) не связана с *ghă*: γε может восходить к пра-и.-е. *$\acute{g}e$ или *ge, но не к *$g^h e$.

[9] Ср. об аналогичной функции (topic switch marking) др.-рус. частицы *же* в диссертации N. Ickler, *The particle “že” in Old Russian: the discourse origins of conditionals and relatives* (University of California, Berkeley, 1981), а также в работе того же автора в *Berkeley Ling. Soc.* 3 (1977), p. 658 сл.

Примечательна группа форм, засвидетельствованных в нескольких германских языках и восходящих к одному источнику – форме, образованной от основы указательного (дейктического) местоимения (пра-герм. **þan(n)-*) и восходящей, в конечном счете, к аккузативу пра-и.-е. указательного местоимения **so-/to*: **tom*). Эти формы могут выражать как каузальное значение (нем. *denn*), так и значение временно́й последовательности и/или консекутивное (англ. *then*, нем. *dann*, нидерл. *dan*).

Наконец, функцию маркирования смены топика и консекутивное значение совмещают нем. *also* и швед. *alltså*.[10]

4. Заключительные замечания

Сказанное выше позволяет заключить, что функция консекутивного коннектора (значение ‘тогда, в результате’), хотя и никогда не фиксировавшееся словарями для частицы *ghă*, может быть надежно установлено для этой формы. Вед. *ghă*, *ha* вместе с их славянскими параллелями (*же*, *-го*) восходят к пра-и.-е. $*g^{h}e/o$, для которого, как и в случае *ghă*, *ha* и *же*, по-видимому, можно говорить об употреблении в качестве слова, указывающего на структуру дискурса (discourse marker), и восстанавливать если не все, то многие из перечисленных в предыдущем разделе функций/значений: значение временно́й последовательности – маркирование смены топика – каузальный и консекутивный коннектор (значение причины и результата/следствия). Все эти значения, по-видимому, достаточно легко «перетекают» одно в другое, причем, чаще всего, вероятно, направление грамматикализации именно таково как в приведенном выше списке, начиная с наиболее «лексического» значения временно́й последовательности.

Необычным для реконструируемой формы является аблаут, т.е. чередование *e/o*, присущее скорее полнозначным морфемам, что наводит на мысль о возможной связи с какой-либо корневой морфемой – например, с глагольным корнем. Пожалуй, наиболее приемлемым (если не единственным) кандидатом на роль такой морфемы является глагольный корень $*g^{wh}en$- ‘бить, ударять’ (ср. вед. *han* ‘убивать, бить’, през. *hán-ti*, перф. *jaghā́na* < пра-и.-е. $*g^{w}e$-$g^{wh}on$-*e*; ст.-слав. гънати, женѫ, итер. гонити и т. д.). Правда, в отличие от праформы **ghe/o*, для этого корня реконструируется лабиовелярный ($*g^{wh}$), а не простой велярный. Напомним, однако, что пра-и.е. форма нашей частицы реконструируется исключительно на основе материала двух сатэмных групп, где простые велярные и лабиовелярные совпали – так что, строго говоря, источник вед. *ghă*, *ha* и слав. *же*, *-го* следовало бы восстанавливать в виде $*g^{(w)h}e/o$. Возможно, на некотором древнем (ранне-праиндоевропейском) уровне морфемы $*g^{(w)h}e/o$- и $*g^{wh}en$- были связаны, хотя о характере их семантической связи (через значение отмеряемых ударами временны́х интервалов?[11]) судить трудно – здесь мы вторгаемся в область спекулятивных предположений, которые трудно или практически невозможно подкрепить индоевропейским лингвистическим материалом.

---

[10] См., напр., K. Fischer & M. Alm, “A radical construction grammar perspective on the modal particle-discourse particle distinction”. In: L. Degand et al. (eds), *Discourse markers and modal particles: categorization and description*. Amsterdam, 2013, pp. 47-87.

[11] Отметим также, что значение повторяющихся ударов (‘ударять, погонять’) рассматривается многими индоевропеистами как исходное для глагольного корня $*g^{wh}en$-, ср. “Präsenswurzel wohl urspr. iterativer Aktionsart, aus der sich die bsl. Bedeutung ‘treiben’ am besten erklären läßt” (*Lexikon der indogermanischen Verben*. 2., erweiterte und verbesserte Auflage, Wiesbaden, 2001, S. 218).